DOI: 10.19195/0137-1150.167.5

OLGA ZHURAVEL

Новосибирский государственный университет, Rosja

Ситуация „преставления” в старообрядческой агиографии

Сюжетная ситуация „преставления” отражена во многих памятниках древнерусской и старообрядческой литературы. Слово „преставление” в современных словарях трактуется как устаревшее, однако именно оно чаще всего употребляется в текстах, послуживших источниками нашего исследования. В словаре Измаила Срезневского приведены следующие значения глагола „преставится”: перейти, измениться, прекратиться, удалиться, умереть¹. Семантика лексемы отражает смысл эпизодов преставления, как они представлены в архаичной русской традиции.

Теме перехода к смерти уделялось большое внимание в древнерусской агиографии, что отмечалось исследователями. Впервые важные наблюдения были сделаны Михаилом Кротовым. Ученый предположил существование устойчивой модели благой кончины праведника, выявив некоторые свойственные ей элементы: знание о приближении смерти, исповедь и причащение, поучение перед кончиной, легкость, „тихость” перехода в инобытие, просветление лица перед смертью, нетление тела усопшего². О роли канона „преставления” в структуре житий локальной устюжской традиции писал Андрей Власов³. Татьяна Руди, на огромном рукописном материале изучая топику древнерусских житий, отмечала, что при описании смерти святого (о котором он обычно знает заранее) „помимо традиционных формул («в ру-

¹ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в трех томах*, т. 2, Санкт-Петербург 1902, стб. 2864.

² М. Г. Кротов, *Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии)*, [в:] *Герменевтика древнерусской литературы. XVI–начало XVIII вв.*, сб. 2, Москва 1989, с. 149–179.

³ А. Н. Власов, *Эпизод „преставления” святого как структурный элемент житийного текста (на материале памятников Устюжской литературной традиции)*, [в:] *Смерть как феномен культуры, Межвузовский сборник научных трудов*, Сыктывкар 1994, с. 53–75.

це Твои, Господи, предаю дух мой» и др.) используются особые топосы-формулы⁴. Исследовательница назвала несколько устойчивых формул: „телом начат изнемогати, иже душою крепкий”, „аще и телом отхожу от вас, но духом присно буду с вами”, „вас же предаю в руце Божии”, а также мотив обещания игуменом процветания монастырю после его смерти и мотив „плача великого” иноков о преставившемся игумене⁵. О том, что в древнерусской духовной культуре теме „благой кончины” уделялось большое внимание, свидетельствуют и документальные записки, составлявшиеся как материалы для биографии святого. Их основная функция — сохранить память о святом⁶. Некоторые из этих текстов выявлены совсем недавно и требуют дальнейшего изучения в контексте агиографической традиции. Ряд сочинений специально посвящен детальному описанию смерти подвижника: *Записка о последних днях Пафнутия Боровского* Иннокентия, *Повесть о болезни и смерти Василия III*, *Сказание о последних днях митрополита Макария* Афанасия, *Повесть о преставлении патриарха Иосифа* Алексея Михайловича, *Сказание о последних днях новгородского архиепископа Феодосия*, *Рассказ о кончине тверского епископа Акакия* Вассиана Кошки, *Записка о Филиппе Ирапском* инока Германа. Подробно описано преставление в его же *Житии Кассиана Босого* и в *Слове о старце Фотии*. За исключением *Записки о последних днях Пафнутия Боровского*, созданной в 1470-е годы, памятники датируются XVI–XVII веками⁷. Все эти тексты создавались на основе записей, которые делались либо послушниками, присутствовавшими при кончине, либо более поздними книжниками на материале записок очевидцев⁸.

Систематический, комплексный анализ сюжетной ситуации „преставления” в древнерусской агиографии, где будут учтены памятники разной жанровой структуры, должен стать предметом специального монографического исследования. Цель настоящей статьи — обратить внимание на продолжение средневековой традиции в литературе старообрядческой, nasledующей многие особенности литературы Древней Руси.

Старообрядческая агиография — явление уникальное и мало изученное. Принятый защитниками старого обряда отказ от церковной иерархии, обусловленный актуальными эсхатологическими идеями, исключал возможность официальной канонизации. Между тем сонм собственных святых

⁴ Т. Р. Руди, *О композиции и топике житий преподобных*, „Труды отдела древнерусской литературы”, т. 57, Санкт-Петербург 2006, с. 499.

⁵ Там же.

⁶ Д. С. Лихачев, *Текстология*, Ленинград 1983, с. 135.

⁷ Наиболее полный перечень сочинений данной тематики приведен Е. В. Крушельницкой, открывшей некоторые из этих памятников: Е. В. Крушельницкая, *К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе*, [в:] *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*, Санкт-Петербург 2005, с. 104–105.

⁸ Л. А. Дмитриев, *Записка ли „Записка о последних днях Пафнутия Боровского” Иннокентия?*, [в:] *Исследования по древней и новой литературе*, отв. ред. Л. А. Дмитриев, Ленинград 1987, с. 62.

в старообрядческой традиции неизбежно пополнялся, от Аввакума до самых скромных пустынножителей XX века, ставших жертвами гонений и оказавшихся в ГУЛАГе. Агиология старообрядцев основана на концепции преемственной связи с истоками христианства, с учением апостолов и Христа, на идее наследования святости как некоей субстанции, хранительницей которой прежде, от князя Владимира до 1666 года, была Московская Русь. Согласно историософии старообрядцев, после церковной реформы Никона, „пременившей свет на тьму”, святость была принята в наследство защитниками старого обряда „из рук в руки”, „другопередатне”. Эта мифологема встречается во многих старообрядческих сочинениях. Она объясняла интериоризацию сакрального в монастыри, скиты, любые поселения староверов.

Мортальная тематика нашла широкое освещение уже в начале XVIII века в литературе Выговского старообрядческого центра. Здесь получил развитие барочный в своей основе жанр надгробных слов. Выговские слова соединяют элементы книжных и фольклорных плачей, некоторые из них включают рассказы о преставлении видных деятелей согласия. К таким синкретическим текстам относится, например, *Слово надгробное Петру Прокопьеву* (1719) Андрея Денисова⁹. Наставникам посвящались и специальные Слова о преставлении, включающие краткие биографические заметки и детальные литературные портреты, однако подробные описания смерти в этих текстах отсутствуют. Надгробные слова и Слова о преставлении соединялись в циклы, составлявшие контент особых мемориальных сборников¹⁰.

В конце XVIII века в литературе Выга происходят явления, связанные, в частности, с демократизацией литературного процесса, что сказалось на содержании и стилистике рассказов о преставлении. Один из ярких памятников — *Сказание о преставлении Семена Денисова* Василия Даниловича Шапошникова¹¹. Присутствуют эпизоды преставления в ряде выговских житий, например, в *Житии Ивана Филиппова*¹².

Во второй половине XX века древнерусский жанр обнаружил свою продуктивность в письменности сибирских староверов-часовенных — в *Урало-Сибирском патерике* (1940-е–1990-е годы)¹³. Этот трехтомный историко-агиографический свод, открытый новосибирскими археографами, является

⁹ Е. М. Юхименко, *Литературное наследие Выговского старообрядческого общезнательства. В двух томах*, т. 1, Москва 2008, с. 42–62.

¹⁰ См., например: Г. В. Маркелов, *Писания выговцев. Каталог-инципитарий. Тексты*, Санкт-Петербург 2004, с. 225–230.

¹¹ Е. М. Юхименко, *Литературное наследие...*, с. 68–71.

¹² Н. С. Гурьянова, „Житие” *Ивана Филиппова*, [в:] *Христианство и церковь в России феодального периода (материалы)*, отв. ред. Н. Н. Покровский, Новосибирск 1989, с. 227–253.

¹³ *Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии. В трех томах*, кн. 1 (т. 1–2), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2014; *Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии. В трех томах*, кн. 2 (т. 3), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2016.

уникальным источником как для изучения судеб древнейших жанров в условиях новейшего времени, так и для исследования архаичной народно-христианской культуры.

Эпизоды преставления включены в состав повествований агиографического типа, каких немало в патерике. Их герои — и легендарные подвижники, память о которых хранило предание начиная с XVIII века, и старообрядцы XX века. Подробно, с множеством бытовых и психологических деталей, описана кончина тех, чья жизнь признавалась „житием подвижным”, „блаженным”. Представления о святости, на которых основаны данные тексты, можно проиллюстрировать силлогизмом одного из учителей уральского староверия XVIII века, отца Максима: „Всяк убо верный свят, поелику верен есть”¹⁴. Хранение истинной веры — главное условие святости, а потому кончина каждого достойного старообрядца заслуживает внимания и того, чтобы ее запечатали словом.

Для поздней старообрядческой агиографии, как и для древнерусской (в особенности это относится к запискам о преставлении), характерно сочетание документальной и литературной основы. Реальное событие (смерть праведника) становится литературным фактом в разных риторических и поэтических стратегиях. При всем различии стилей и художественных приемов можно выделить ряд конструктивных особенностей, которые позволяют взглянуть на данные сюжетные ситуации как на метажанровое образование, обладающее набором устойчивых признаков — топосов. Литературные мотивы отражают важные для национальной традиции ментальные топосы и мировоззренческие установки, связанные с картиной мира их носителей, с представлениями о праведной кончине.

Уже сам факт множественности нарративов в старообрядческой прозе говорит о чрезвычайной значимости отрезка жизни, обозначенного ситуацией перехода в инобытие. Если сочинение целиком не посвящено теме смерти праведника, граница данного текстового пространства маркируется вербально или графически, как отдельная глава: „О преставлении же своем старец [...] предрече”¹⁵. Можно отметить, что в рассказах о преставлении формируется особый хронотоп. Замедленное время подчеркивается приемами торможения повествования: детализацией, остановкой внимания на бытовых подробностях и мелочах, дословной передачей всех слов умирающего, в том числе молитв, повтором этих слов¹⁶.

¹⁴ О. Д. Журавель, *Идеологические обоснования агиографии Урало-Сибирского патерика*, [в:] *Урало-Сибирский патерик...*, кн. 1 (т. 1–2), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2014, с. 404.

¹⁵ *Урало-Сибирский патерик...*, кн. 1 (т. 1–2), с. 34. Далее цитаты приводятся по этому изданию в упрощенной графике с указанием страницы в скобках.

¹⁶ Это напоминает рассказ о смерти Андрея Болконского в *Войне и мире*, „прошивающий” значительную часть повествовательного пространства. Об отражении в творчестве

Пространство, где присутствует умирающий, приобретает „вертикальные” характеристики, становится своеобразным порталом, более проницаемым для ангелов и святых, что выражено в видениях, нередко включенных в данные рассказы. Умирающему являются небожители, порой видимые только ему одному. Так, мать Анния (*Урало-Сибирский патерик*) за три дня до кончины говорила: „Слушайте, слушайте, ангели поют». Сестры сказали ей: «Мы не слышим», и спросили: «А что поют?» Она сказала: «Аллилуия поют»» [с. 118]. „Вижу мужа красна стояща», — объяснял очевидцам свои загадочные разговоры с кем-то незримым, видимым ему одному, отец Федор, „и тако преставися от временныя жизни в вечныи покой» [с. 78].

Умирающий будто отделяется невидимой чертой от присутствующих. Это подчеркивается мотивом **тайны**, ведомой только ему одному. Данную особенность *Записки о последних днях Пафнутия Боровского* отметил Лев Дмитриев, считая ее художественным приемом:

Иннокентий все время стремится создать у своих читателей впечатление, что и сам он и вся братия монастыря до последнего момента не догадываются, что их учитель и наставник должен умереть. Об этом знает только сам Пафнутий и хочет намеками дать понять это окружающим: он как бы все время загадывает загадки, но никто их не может разгадать. Это придает напряженность рассказу, создает атмосферу таинственности и особого величия происходящего¹⁷.

Возможно, художественный прием (по сути дела, топос) отражает устойчивое представление, сформированное в устной традиции. Тайна связана с другим важным мотивом — **пророчества**, предвидения собственной смерти, о которой святой зачастую говорит загадками. Семен Денисов в старообрядческой повести просит, чтобы ему подали „коты” (так называлась теплая обувь):

- Коты. Пора пойти.
- Куда пойдешь, отче?
- Домой... Во град пойду¹⁸.

То, что „град», о котором говорил старец, — это Град Небесный, стало понятным только после его кончины.

В *Урало-Сибирском патерике* изложена легенда о преставлении Павла Убиенного, жившего в конце XVIII века и почитаемого в старообрядческой среде до настоящего времени. „Прозорливость», как называют старообрядческие книжники пророческий дар, — одна из важных черт облика этого праведника.

Льва Толстого топики, свойственной древнерусской культуре, см.: А. М. Панченко, *Русская культура в канун Петровских реформ*, Ленинград 1984, с. 194–203.

¹⁷ Л. А. Дмитриев, *Записка ли „Записка о последних днях Пафнутия Боровского”...*, с. 62.

¹⁸ Е. М. Юхименко, *Литературное наследие Выговского старообрядческого общецельства. В двух томах*, т. 2, Москва 2008, с. 69.

О преставлении же своем старец неким христолюбцам, пришедшим к нему на посещение, предрече: „Вы к тому не узрите мя в животе сем. 2-го же сентября приезжайте ко мне на саях, погребите тело мое”. Они удивляются, что на саях, ведь еще рано снегу быть. И збыться его проречение: на память бо святого мученика Мамонта, 2 сентября, снега необычно много напало, приехали к нему на саях, и обретоша его убиена [с. 34–35].

Матушка Македония, как повествует тот же *Урало-Сибирский патерик*, возразила своей гостье в ответ на ее пожелание в будущем еще раз повидаться: „Нет, уж больше не увидимся”. Болезнь и последующая кончина матушки обнаружили, насколько она была „прозорлива” [с. 184].

Важным элементом сюжетной схемы преставления в старообрядческой агиографии, как и в древнерусской, является **болезнь**. *Урало-Сибирский патерик* включил целый ряд подробных описаний „последнего изнеможения”. Отец Силуян умирал, как и спал последние десять лет, сидя. „Неции мнят, ради Бога не ложился”, — пишет автор записок ученик Александр, имея в виду известный по житиям вид аскезы: святой „часто спит не лежа, а сидя или стоя или вообще проводит ночь без сна, в молитвах”¹⁹. Однако Александр объяснил это иначе: „блисты не позволяли ему легчи”. „Очень утроба болела, и пищу никакую принимать не стало давать, как поест, так блевать и нудит. И того ради три дни и не ел” [с. 73]. Физиологически подробные детали нисколько не снижали в глазах почитателей облик святого старца. Подобных описаний в современном старообрядческом памятнике немало: „но время уже воспомянути и о болезнях матери Тавифы”, „на-конец речем о болезни и кончине матери Тарсилы” [с. 205, 233]. О матери Александре читаем: „Первая болезнь у ней была зуд и коросты на голове лет 10. Вторая болезнь, чехотка (туберкулез) приключилась: во время жары потная напилась холодной воды и потом мучилась от кашлю. Болезнь терпела с благодарением” [с. 225]. Акцентированная телесность и натурализм оправданы сакральным контекстом и включенностью в агиографический дискурс.

Болезнь зачастую оказывается препятствием к очень важному, наряду с предсмертной молитвой, акту — принятию **причастия**. Отец Силуян „ис-тово перекрестился крестным знамением трижды и, очень хотя болезнию одержим, но все силы употребил и простоял сию молитву” [с. 73]. „и с великою верою и желанием причастия. И аз, грешный Александр, вопросих отца: «Что, отче, принял ли, почувствовал ли?» И он рече: «Принях, и почувствовах, и проглотих, слава Богу»” [с. 73].

Если умирает наставник, то он, повелев собраться всей братии, произносит **поучение**, учит их „любви и смирению” [с. 81]; „аще и измолкшим гортанем, обаче еще показав должное, поучив всех помнити заповеди Господни и имети между собою любовь” [с. 66].

¹⁹ Т. Р. Руди, *О композиции и топике житий преподобных*, „Труды отдела древнерусской литературы”, т. 57, Санкт-Петербург 2006, с. 499.

Праведная жизнь служит залогом „благой”, **тихой кончины**, о которой молит любой православный. Мы можем выделить мотив умирания как постепенного „засыпания”, который оформляется, в частности, при помощи устойчивых формул, в которые входит слово „тихий”. Симеон Денисов „уснув тихим и кротким уснением”²⁰. Отец Нифонт — „тихообразно уснув сном вечного покоя” [с. 66]. Отец Сава перед концом принял причастие, „и нача здыхати тише и тише, и тако успе сном вечного покоя” [с. 74].

Безыскусные трогательные подробности сопровождают просторечный рассказ о кончине матери Анатолии.

Пошли проводить матушку, а она тяжело здышет. Спросили: „Что, матушка, тебе тяжело?” Она сказала: „Тяжело”. „Испить, поди, хочеш?” Она тихо сказала: „Хочу, да кафизму дочитаю”. И потом дочитала и славу отклала, посадили на кроватку, подали пить, сама взяла крушку в руки, начала пить, поддерживали. Маленько пивнула, и зглянула на окно, и руки у ней опустились. Мы заговорили: „Матушка, что с тобой?” Она нам ничто не сказала, посмотрела на нас и главу преклонила. Мы отца Антония разбудили и мать Тавифу, приготовили кадило и Святыя Дары, подали свещу в руку. Отец подал великие святыни, добре причастилася, запели „О всепетая Мати”. Потихоньку поздыхивала, и помале сама закрыла очи, и Богу дух предаде” [с. 219–220].

Урало-Сибирский патерик запечатлел описание мученической смерти в сталинском лагере. В 1951 году войска НКВД напали на скиты часовенных на Дубчесе, избивали старцев и стариц, некоторых арестовали. Наставник отец Симеон 2 года и 4 месяца провел в лагере. Он отказывался принимать даже скудную лагерную пищу: „Мало пищи приимаше, в воздержании пребывая”, „и прият могила неизвестная”. Последний редактор патерика Афанасий Мурачев считал отца Симеона своим учителем и, не имея возможности описать благую его кончину, завершил рассказ о старце плачем, который сам сочинил [с. 93–94]. В данной ситуации плач функционально заменял обряд отпевания, невозможный в тех условиях²¹.

Более подробные сведения сохранились о кончине матери Маргариты, пользовавшейся в лагере уважением и любовью многих заключенных. Когда гроб с ее телом стоял в коридоре барака, к нему подходили и молились „всяк по-своему”. Авторитет матушки был настолько велик, что лагерное начальство вынуждено было разрешить поставить на могиле крест, покрасить его и проводить матушку всем лагерем. Даже начальница лагеря, увидев просветленное лицо матери Маргариты, воскликнула: „Весело пошла, видно, заработала” [с. 189].

²⁰ Е. М. Юхименко, *Литературное наследие...*, т. 2, с. 71.

²¹ Подобную функцию выполняли стихи-плачи Анной Ахматовой (*Ярославны XX века*), в которых она оплакивала близких ей современников, жертв режима — Николая Гумилева, Михаила Зощенко, Михаила Булгакова. Невозможность в условиях сталинских репрессий церковного отпевания и даже гражданских похорон актуализировала сакральную сущность слова.

Мотив **преображения лица** после смерти является еще одним общим местом рассказов о преставлении. Когда умерла мать Тавифа, „изменилось лицо ее чюдно и на удивление всем: стало лицо светлое и полное, бело-желтоватое, и моложаво, и весело, аки на улыбке губки ужала, так что всем желательно было посмотреть” [с. 206]. „И изменися лице ее и бысть вельми желтосветлое”, — читаем о матери Мелетине [с. 176]. Подобных описаний немало в *Урало-Сибирском патерике*.

Эпизод кончины праведника сопровождается описанием посмертных чудес. Устойчивым является мотив **„нетленных телес”**. Обнаружение „тела цела и нетленна” является важной частью складывания традиции почитания умершего. Не случайно тело умершего в таких случаях прямо называется мощами. Останки могут служить предметом зависти представителей других согласий. Так, описан случай, когда староверы одного согласия безуспешно пытались выкрасть мощи почитаемого предка у староверов другого толка.

В традиции урало-сибирских староверов популярен мотив реакции несоодержимых, приравненный к **посмертному чуду**: „беснующие кричали на могиле”, „нача бес вопити, душным его нарицая”²². Кроме того, важной приметой благой кончины являются любые погодные изменения во время похорон. И внезапно хлынувший дождь, и солнце, и снег воспринимались как чудо. „Был ясен день, и когда стали погребать, внезапно спустился сильный дождь и кадило погасло, и скоро престал” [с. 178]. Агиобиографии наиболее почитаемых праведников сопровождаются, как правило, описаниями исцеления от предметов, связанных с ними. Одежда, которую они носили, земля, талая вода с их могил обретают в данной среде силу и ценность сакралий.

Итак, можно выделить комплекс ключевых мотивов, оформляющих ситуацию „преставления” в старообрядческой агиографии: 1) мотив тайны; 2) предвидение кончины, пророчество; 3) мотив предсмертного видения; 4) болезнь; 5) молитва и принятие причастия; 6) поучение умирающего; 7) „тихая кончина”, умирание как засыпание; 8) преобразование лица после смерти; 9) мотив нетленных телес; 10) посмертные чудеса (реакция несоодержимых на могиле, погодные явления, исцеления от сакралий).

В значительной степени данные мотивы продолжают древнерусскую традицию. В описании смерти старообрядческие авторы, в целом повторяя древнерусский канон, старались воспроизвести все бытовые детали, особенности речи праведника. Стихия устной речи активно проникала на страницы книжного памятника, отражая реалии повседневной жизни носителей старообрядческой культуры, вчерашних крестьян. Уникальной

²² Подробнее см.: О. Д. Журавель, *Демонологические представления урало-сибирских староверов-часовенных XX в., [в:] In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 5*, отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова, Москва 2016, с. 276–291.

особенностей старообрядческих текстов из *Урало-Сибирского патерики* является описание смерти мучеников в лагерях ГУЛАГа. Ориентация на древнерусский канон совмещается с наивным реализмом, высокий книжный стиль с элементами просторечия, что в целом характерно для поздней старообрядческой литературы. Утрачивая стилевое единство древнерусской словесности, старообрядческие авторы между тем воспроизвели архетипические черты ментального комплекса, связанного с традиционными представлениями о смерти праведника и запечатленного в сюжетной ситуации „преставления”.

Библиография

- Власов А. Н., *Эпизод „преставления” святого как структурный элемент житийного текста (на материале памятников Устюжской литературной традиции)*, [в:] *Смерть как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов*, Сыктывкар 1994.
- Гурьянова Н. С., *„Житие” Ивана Филиппова*, [в:] *Христианство и церковь в России феодального периода (материалы)*, отв. ред. Н. Н. Покровский, Новосибирск 1989.
- Дмитриев Л. А., *Записка ли „Записка о последних днях Пафнутия Боровского”. Иннокентия?*, [в:] *Исследования по древней и новой литературе*, отв. ред. Л. А. Дмитриев, Ленинград 1987.
- Журавель О. Д., *Демонологические представления урало-сибирских староверов-часовенных XX в.*, [в:] *In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. Выпуск 5*, отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова, Москва 2016.
- Журавель О. Д., *Идеологические обоснования агиографии Урало-Сибирского патерики*, [в:] *Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии. В трех томах*, кн. 1 (т. 1–2), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2014.
- Кротов М. Г., *Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии)*, [в:] *Герменевтика древнерусской литературы. XVI–начало XVIII вв.*, сб. 2, Москва 1989.
- Крушельницкая Е. В., *К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе*, [в:] *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*, Санкт-Петербург 2005.
- Лихачев Д. С., *Текстология*, Ленинград 1983.
- Маркелов Г. В., *Писания выговцев. Каталог-incipitarius. Тексты*, Санкт-Петербург 2004.
- Панченко А. М., *Русская культура в канун Петровских реформ*, Ленинград 1984.
- Руди Т. Р., *О композиции и топике житий преподобных*, „Труды отдела древнерусской литературы”, т. 57, Санкт-Петербург 2006.
- Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в трех томах*, т. 2, Санкт-Петербург 1902.
- Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии. В трех томах*, кн. 1 (т. 1–2), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2014.
- Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии. В трех томах*, кн. 2 (т. 3), отв. ред. Н. Н. Покровский, Москва 2016.
- Юхименко Е. М., *Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. В двух томах*, т. 1, Москва 2008.

The situation of death in Old Believers' hagiography

Summary

The article was written based on Old Russian and Old Believers' literature. The author places special emphasis on the Old Believers' Hagiography, especially on the *Ural-Siberian Paterik* (created in the 1940–1990s), which was recently discovered by Siberian scientists. The author is researching the structure and topic of a plot situation related to dying of a saint or an ascetic. A complex of the key motifs, that define the death situation, is revealed. Amongst them is the motif of mystery, prophecy and the prediction of saint's own death. It was noted that the topos of disease is of great importance — a detailed presentation of the physical suffering of the person. The motif of prayer and Communion was described next. It has been noted that the presentation of the departure of a saint is accompanied by his visions of afterlife. In addition, the theme of a “quiet demise” (death depicted as falling asleep) and few posthumous toposes, such as the transfiguration of a face after death or imperishable relics and miracles associated with them, were distinguished. It is noted that the revealed motifs, that are intrinsic to the plot topic, are reflected in the oeuvre of the leading Russian authors.

Keywords: hagiography, Old Believers' literature, Old Russian literature, plot topic, death

Okoliczności „umierania” w hagiografii staroobrzędowców

Streszczenie

Artykuł napisano, opierając się na dziełach literatury staroruskiej oraz twórczości staroobrzędowców. Skoncentrowano się na hagiografii staroobrzędowców, a przede wszystkim na *Pateryku Uralesko-Syberyjskim* (stworzonym w latach 1940–1990), niedawno odkrytym przez syberyjskich uczonych. Badaniom poddano strukturę i tematykę wątków fabularnych związanych z „umieraniem” świętego lub ascety. Wybrano zbiór motywów kluczowych dla przedstawień sytuacji śmierci. Spośród nich wyróżniono motyw tajemnicy, proroctwa oraz przewidywania przez świętych własnej śmierci. Zauważono, iż ogromne znaczenie przypisuje się toposowi choroby — szczegółowemu przedstawieniu cierpienia fizycznego chorego. Następnie opisano motywy modlitwy i przyjmowania komunii. Odnotowano, że przedstawieniu odejścia świętego towarzyszą jego wizje życia pozagrobowego. Ponadto wyróżniono motyw „cichego odejścia” (śmierć przedstawiona jako zasypianie) oraz kilka toposów pośmiertnych, takich jak zmiana wyglądu twarzy zmarłego czy niezniszczalne relikwie oraz wiążące się z nimi cuda. Zauważono, iż wskazane motywy, charakterystyczne dla danego narodu, znalazły swoje odzwierciedlenie w twórczości czołowych pisarzy rosyjskich.

Słowa kluczowe: hagiografia, staroobrzędowcy, literatura staroruska, wątek fabularny, śmierć